

ИВАН ЗАБЕЛИН
ДОМАШНИЙ БЫТ
РУССКИХ ЦАРИЦ
в XVI и XVII столетиях
ТОМ II

ИВАН ЗАБЕЛИН

**ДОМАШНИЙ БЫТ
РУССКИХ ЦАРИЦ**

в XVI и XVII столетиях

ТОМ II

С очерком А. А. Формозова о И. Е. Забелине

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 63.3(2)4
З 12

Забелин И. Е.

З 12

Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. II. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 792 с., разд. паг. (XVIII, 774 с.).

ISBN 5-7859-0171-4

Книга известного историка Ивана Егоровича Забелина (1820–1908) уникальна по объему материала и занимательности изложения. Интересна как широкой публике, так и специалистам-историкам. После революции в полном виде не переиздавалась. Ко второму тому приложен большой очерк А. А. Формозова о жизни и творчестве И. Е. Забелина.

ББК 63.3(2)4

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0172-2

© А. А. Формозов. Очерк жизни
и творчества И. Е. Забелина, 2001

СОДЕРЖАНИЕ.

- ГЛАВА I. *Женская личность въ допетровскомъ обществѣ.* Общія черты положенія женской личности въ допетровскомъ обществѣ. Сужденіе Котошихина и сужденія наслѣдователей - идилликовъ, 1—6. — Существо вопроса, 7. — Каково было древнерусское общество. Его идеалы, 8. — Коренное его начало, 10. — Родовой бытъ, 11. — Идиллія семейно-общиннаго быта, 13. — Смысль рода и смыслъ общины, 15. — Родовая идея есть идея родительской воли-опеки, 27. — Достоянствомъ личности было „отечество“, 31. — Мѣстничество и вѣче суть выраженія древнерусской общественности, 32. — Существенный ея характеръ, 35. — Родовая идея — воспитательница Русской личности, 37. — Домострой — школа личнаго развитія, 37. — Въ чемъ полагалась самостоятельность личности, 54. — Основные черты характера Русской личности: господство воли и дѣтство воли, 55. — Общая характеристика допетровскаго общества, 70. —
- ГЛАВА II. *Главные черты женской личности въ допетровское время.* Лазчешское время; княгиня Ольга, 72. — Вліяніе византійской культуры, 79. — Постническій идеалъ, 87. — Происхожденіе терема, 90. — Удаленіе женской личности отъ общества, 93. — Идеалъ постницы, 100. — Боярыня Морозова, 101. — Царевна Софья и значеніе царскаго дѣвичьяго терема въ концѣ XVII ст., 144. —
- ГЛАВА III. *Женская личность въ положеніи царицы.* Особенности условія этого положенія, 184. — Причины, которыми вызваны такія условія, 186. — Государевы браки, 203. — Исторія государевыхъ невѣстъ, 218. — Призваніе царицыной личности, 260. —
- ГЛАВА IV. *Обрядъ царицыной жизни комнатной и выходной.* Замкнутость царицына быта, 284. — Повседневное молитвенное правило, 294. — Молитва и милостыня, какъ общая стихія царицыной жизни: богомольные выходы и выѣзды, повседневные и годовые, 300. — Приемы праздничные, 340. — Приѣзды боярыни, 346. — Столы праздничные и семейные, 353. — Особые торжественные приемы, 358. — Приемы повседневные, 364. — Очеркъ комнатной повседневной царицыной жизни, 366. — Выѣзды для гулянья, 380. —
- ГЛАВА V. *Царицынъ дворовой чинъ.* Женскія чины: мамы и верховыя боярыни, ихъ честь и мѣсто, 386. — Казначей, 396. — Учительницы, кормилицы, псаломщицы, сѣнныя боярышни, 397. — Постельницы и ком-

натныя бабы, 398.—Мастерицы, 399.—Портомои, 400.—Мужской чинъ: приваанный, крестовый, етольвичій, походный, истопничій, мастерской, 401.—Царицына слобода Кисловка, 410.—Черты жизни и правовъ младшаго чина дворовыхъ людей по сыскнымъ дѣламъ и челобитнымъ: Дѣло о мышьякѣ, 413.—Приворотный корень обратимъ, 419.—Колдовство на царицынъ слѣдъ, 423.—Посмѣшное слово постельницъ, 433.—Умышленіе испортить царицу Евдокію Лукьяновну, 435.—Похвальба царицынымъ жалованнымъ челобитьемъ, 447.—Обманъ въ свадьбѣ царицынымъ жалованнымъ словомъ, 450.—Челобитие на поругательницу жену, 453.—Дѣло комнатной бабки, 454.—Царицыны дѣти боярскіе въ провожатыхъ за боярынею, 456.—Царевнина карлица въ гостяхъ, 457.—Дворцовая пропажа, 460.—

ГЛАВА VI. *Царицыны наряды, уборы и одежда.* Общій обзоръ, 462.—Головной уборъ: Дѣвичій волосной, 478.—Косникъ, 478.—Перевязка, 479.—Вѣнецъ, 480.—Коруна, 482.—Женскій: подубрусникъ, 483.—Убрусъ, 484.—Волосникъ, 485.—Чѣпецъ, 486.—Коруна, кика, 487.—Поднязь, 489.—Расы, 491.—Шляпа, 492.—Шапка, 494.—Каптуръ, 497.—Треухъ, 499.—Ларечная кузнь, золото и саженье: Монисто, 500.—Ожерелье, 503.—Серьги, 505.—Перстни, 506.—Обручи, запястья, зарукавья, 507.—Булавки, 509.—Косметики, 510.—Фата, 513.—Одежды: сорочки, 513.—Тѣлогрѣя, 516.—Шубка, 517.—Лѣтникъ, 520.—Приолока, 523.—Роспашница, 524.—Опашень, 525.—Кортель, 527.—Торлопъ, 527.—Ожерелье накладное, 528.—Рукавъ, 529.—Рукавки, 530.—Ширинка, 531.—Жезлъ царицынъ, 532.—Обувь: Чулки, 533.—Опучи, 534.—Башмаки, 534.—Ичедыки, 534.—Чеботы, 535.—Сапоги, 535.—Мастерская полата, 536.—Количество уборовъ и одежду, 537.—Остатки, 541.—Свѣтлица и ея рукодѣля. Общій обзоръ, 542.—Золотое шитье, 551.—Низанье—саженье, 553.—Знаменники и знаменныя дѣла, 555.—Воярскія свѣтлицы, 556.—Бѣлая казна и хамовное дѣло, 559.—

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

- I. 1) Царица Марья Ильична шествуетъ въ монастырь къ панихидѣ. На ней убрусъ съ волосникомъ или ошивкой, ожерелье жемчужное, ожерелье бобровое, шубка золотная накладная, въ рукахъ жезлъ и ширинка. 2) Сѣнные боярышни въ тѣлогрѣяхъ. 3) Крайчая Анна Михайловна Вельяминова, на ней убрусъ съ волосникомъ, бобровое ожерелье, лѣтникъ съ вошвами, въ рукѣ ширинка. 4) Верховая боярыня, несущая канунъ, кутью. На ней убрусъ съ волосникомъ, жемчужное и бобровое ожерелья, шубка накладная. 5) Верховая боярыня въ сопровожденіи. На ней убрусъ съ волосникомъ, тѣлогрѣя, въ рукѣ ширинка. 6) Сѣнная боярышня, несущая надъ царицею солночникъ или зонтъ. На ней тѣлогрѣя. 7) Царица Евдокія кушаетъ во время своей свадьбы въ набушкѣ. На ней вѣнецъ, убрусъ, царская шубка—платно. 9) Новобрачные царь съ царицею шествуютъ къ Сѣвнику. На царицѣ тотъ же нарядъ. 8 и 10) Боярыни въ каптурахъ, шубкахъ и тѣлогрѣяхъ.
- II. 1) Царица Марья Ил. шествуетъ въ большой праздникъ на богомолье въ церковь. На ней корона, убрусъ, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка золотная накладная, въ рукѣ ширинка. 2) Дѣвица, несущая маленькаго царевича. На ней тѣлогрѣя. 3—5) Три старшихъ царевны. На нихъ: вѣнцы, бобровыя ожерелья, золотныя шубки, въ рукахъ у старшей четки, у младшей ширинка. 6) Сѣнная боярышня, поддерживающія большой солночникъ (балдахинъ). На нихъ тѣлогрѣи. 7—8) Сѣнные боярышни, въ предшествіи. На нихъ бобровыя ожерелья, тѣлогрѣи, въ рукахъ ширинки. 9—10) Крайчая и верховыя боярыни въ сопровожденіи. На нихъ: убрусы съ волосниками, бобровыя ожерелья, лѣтники съ вошвами, въ рукахъ ширинки. 11) Царица Евдокія царвкою шествуетъ къ брачному вѣнцу. На ней: вѣнецъ съ убрусомъ и царская шубка—платно. Боярыни поддерживаютъ ее подъ руки. На нихъ тѣлогрѣи и шубки. 12—13) Царица Евдокія царвкою шествуетъ въ Грановитую полату на брачное мѣсто. На ней: корона, тѣлогрѣя, теплая шубка. 12) Боярыня, несущая на блюдѣ кяку. 14) Царица Евдокія въ своихъ хоромахъ, принимающая по случаю брака благословеніе Патріарха и поздравленіе отъ властей и бояръ. На ней: вѣнецъ съ убрусомъ, шубка—платно, въ рукѣ ширинка. 15) Царица Евдокія, входящая въ Успенскій соборъ къ брачному вѣнцу. На ней: кяка, убрусъ, царская шубка—платно. 16) Боярыни, сидящія за столомъ, въ каптурахъ и тѣлогрѣяхъ.

- III. 1) Убрусь. 2) Жемчужное ожерелье. 3) Царица Евдокія, въ нарядѣ набранной невѣсты — царевны, ожидающая до времени въ своихъ хоромѣхъ выхода на свадебное мѣсто. На ней: вѣнецъ съ городами, тѣлогрѣя и шубка—платно. 4) Боярыни свахи. 5) Царица Евдокія, нареченная царевною, введена въ царскіе хоромы; на ней: вѣнецъ, тѣлогрѣя и шубка. 6) Дѣвѣнцы боярышни, сопровождающія нареченную царевну. На нихъ: перевязки, тѣлогрѣи и шубки. 7) Нарядъ невѣсты нач. XVII ст.: кика, убрусь, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка—платно.
- IV. 1) Великая княгиня Елена Глинскихъ въ убрусь, ожерельяхъ и въ шубкѣ—платнѣ. 2) Одежда XVI ст.: волосникъ, убрусь, тѣлогрѣя. 3) Боярыни, сопровождающія в. к. Елену въ шляпахъ и убруссахъ. 4) Онѣ же въ убруссахъ. 5) Шествіе великой иноки Марыи Ив. во вдовьемъ старичкомъ нарядѣ. Сопровождающія ее: 6) Женщины: убрусь, распашника, тѣлогрѣя, башмаки. 7) Дѣвѣнцы: шапка, ожерелье жемчужное, верхняя одежда — опашень.
- V. Нарядъ женскій: 1) Шапка, подзатылень, серьги, шубка. 2) Дворянка: шапка, тѣлогрѣя и верхняя одежда—шуба. 3) Шапка, убрусь, серьги, ожерелья жемчужное и бобровое, тѣлогрѣя, чеботы. Нарядъ дѣвичій: 4) Шубка, чеботы. 5) Вѣнецъ, тѣлогрѣя.
- VI. 1) Каптуръ, изъ подъ него видна часть ошивки. 2) Нарядъ дѣвичій: шапка, кика съ рисами, ожерелье, шапка и коса. 3) Убрусь. 4) Шляпа, убрусь, бобровое ожерелье. 5) Боярыня, подчивающая гостей: шапка, жемчужное ожерелье, лѣтникъ съ вопсами, въ рукахъ чарка. 6) Дѣвица въ сорочкѣ съ поясомъ. 7) Женщина въ нарядѣ XVI ст.: волосникъ съ убрусомъ, бобровое ожерелье, шубка, чеботы.
- VII. 1) Ширинка. 2) Зимній нарядъ дѣвицъ дворянокъ: шапка лисья, тѣлогрѣя. 3) Дѣвичья повязка. 4) Нарядъ боярышней, шапка лисья, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка. 5) Дѣвица посадская: шапка изъ медвѣжьего мѣха, шубка или сарафанъ, 6) Дѣвица въ сорочкѣ верхней и нижней съ поясомъ.
- VIII. 1) Посадская дѣвица въ кикѣ и кафтанѣ. 2) Дѣвичья повязка съ волоснымъ уборомъ въ двѣ косы. 3) Боярыня въ шапкѣ и въ опашнѣ. 4) Дѣвица въ сорочкѣ съ поясомъ. 5) Женщина посадская, въ охобнѣ, покрытая фатою.

Примѣч. Чертежи рисунковъ заимствованы изъ слѣдующихъ изданій: 1) Описание свадьбы царя Михаила Федоровича, М. 1810 г.; 2) Рисунки къ путешествію барона Мейерберга, Спб. 1827 г.; 3) Русскія Древности, изд. В. Прохорова и др.

ГЛАВА I.

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЪ ДОНЕТРОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Общія черты положенія женской личности въ донетровскомъ обществѣ.— Сужденіе Котошихина и сужденія исследователей—идилличковъ.—Коренное начало древнерусскаго общества.—Родовой бытъ.—Идиллія семейно-общиннаго быта.—Смысль рода и смыслъ общины.—Родовая идея есть идея родительской воли—опеки.—Достоинствомъ личности было „отечество“.—Мѣстничество и вѣче суть выраженія древнерусской общественности.—Существенный ея характеръ.—Родовая идея—воспитательница Русской личности.—Домострой—школа личнаго развитія.—Въ чемъ полагалась самостоятельность личности.—Основные черты характера Русской личности.—Господарство воли и дѣтство воли.—Общая характеристика донетровскаго общества.

†

Котошихинъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, рассказываетъ, что когда были московскіе послы на свадьбѣ у Польскаго короля, то правили посольство и подносили свадебные дары отъ царя и отъ царицы особо королю и особо королевѣ. Править посольство значило исполнять его самолично предъ лицомъ потентата. Желая въ той же мѣрѣ отблагодарить Московскаго царя, и Польскій король посылалъ къ царю своихъ пословъ и велѣлъ посольство править и дары подносить отъ себя и отъ королевы, царю и царицѣ, тоже каждому особо, такъ, какъ дѣлали наши послы въ Польшѣ. Этого, конечно, требовало обычное вѣжество, обыкновенный этикетъ во взаимныхъ сношеніяхъ двухъ государей. Но, справивъ посольство и поднеся дары царю, Польскіе послы, *по московскому обычаю*, не были допущены къ царицѣ. „А къ царицѣ посольства править и ее видѣть не допустили, говоритъ Котошихинъ; а отговорилися тѣмъ: назвали царицу больною; а она въ то время была здорова. И слушалъ у пословъ по-

сольства, т. е. обычныя рѣчи, и дары за царицу принималъ царь самъ". Точно тоже случилось съ англійскимъ посломъ, прѣзжавшимъ къ царю съ дарами по такому же поводу въ 1663 году.

Для чего такъ творять? вопрошаетъ Котошихинъ, желая раскрыть иноземцамъ, для которыхъ онъ писалъ свое сочиненіе, истинныя причины этого обычая, и дѣлая съ этою цѣлью свой достопамятный отвѣтъ.

„Для того, отвѣчаетъ онъ, что московскаго государства женскій полъ грамотъ неученые, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлени и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и oprичъ самыхъ ближнихъ родственныхъ, чюжіе люди, никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ. И потому можно дознаться, отъ чего бъ имъ быти гораздо разумными и смѣлыми. Также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потомужъ люди видають мало. И только бъ царь въ то время учинилъ такъ, что польскимъ посломъ велѣлъ бы быти у царицы своей на посольствѣ; а она бы, выслушавъ посольства, собою отвѣта не учинилабъ никакого, и отъ того пришлобъ самому царю въ стыдъ“ ¹⁾.

Настоящій случай, почему царица не вышла принять посольство, Котошихинъ объясняетъ не совсѣмъ вѣрно, ибо править посольство иноземнымъ посламъ прямо предъ лицемъ царицы строго воспрещалъ старо-давній обычай. Послы не могли видѣть царицу не потому, что царь боялся стыда отъ ея несмышленныхъ и стыдливыхъ отговоровъ, а потому, что хоромы царицы были совсѣмъ недоступны не только для иноземныхъ пословъ, но и для своего народа, даже для всего боярства и всего Двора, за исключеніемъ самыхъ близкихъ ей людей, обыкновенно близкихъ ей родственниковъ или самыхъ довѣренныхъ слугъ Двора. Но, не вѣрно объясняя частный случай, Котошихинъ очень вѣрно и вполне обстоятельно изображаетъ вообще положеніе женской личности въ нашемъ старомъ обществѣ, рисуетъ дѣйствительность, надъ постепеннымъ созиданіемъ которой усердно работали цѣлыя вѣка и цѣлый рядъ поколѣвій. Короткими словами, но очень живо, онъ рисуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и характеристику самого общества, ибо характеристика женской личности всегда служитъ вполне вѣрнымъ изображеніемъ самого общества. Напрасно мы будемъ отвергать суровую, быть можетъ слишкомъ жесткую правду этого отзыва, приводя въ дока-

¹⁾ Котошихинъ, стр. 44.

зательство нѣкоторыя имена, заявившія своею жизнію и умственную и нравственную самостоятельность женской личности; напрасно мы будемъ смягчать простую и можетъ быть оттого слишкомъ грубую и рѣзкую силу этихъ неподкупныхъ словъ, указывая на нѣкоторыя идиаллы, въ которыхъ выражались, иногда даже очень благодушно, семейныя и общественныя отношенія женской личности и которыя, сказать по правдѣ, въ той красотѣ, какою имъ приписывается, существуютъ только въ воображеніи добрыхъ защитниковъ всего добраго и нравственнаго по формѣ. Ни одиночное какое либо имя, т. е. личность, которая всегда можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни, выдвинуть себя изъ общаго теченія, даже съ особенною славою; ни благодушная какая либо идиалля, которая точно также *бываетъ*, какъ и все и всегда бываетъ и случается въ человѣческой жизни, словомъ сказать: ни какія частныя и потому случайныя явленія не въ состояніи заслонить отъ насъ въ этихъ словахъ настоящій свѣтъ жизненной правды, настоящій свѣтъ дѣйствительной, а не воображаемой жизни. Отзывъ Котошихина, оправдывается не какими либо исключительными одиночными явленіями, а всѣмъ строитъ допетровскаго Русскаго быта, общимъ положеніемъ и умонастроеніемъ тогдашней жизни, всею нравственною стихіею общества. Нѣкоторыя историческія явленія, нѣкоторыя юридическія опредѣленія, придававшія женщинамъ самостоятельный смыслъ, не могутъ колебать самой основы старыхъ воззрѣній. Такія личности, какъ напр., Софья Витовтовна—литовка, Софья Фоминишна—гречанка, Елена Васильевна Глинская, — тоже иноземка, которыя, какъ извѣстно, пользовались нѣкоторою долюю женской свободы, покрайней мѣрѣ иногда принимали лично иноземныхъ пословъ и не прятались въ своихъ хоромахъ, когда обстоятельства требовали ихъ участія въ подобныхъ церемоніяхъ¹⁾; такія личности, какъ иноземки, ничего не могутъ объяснять въ отношеніи общей характеристики. Нѣкоторая доля самостоятельности принадлежала имъ отчасти потому, что они были *чужія*, что личность ихъ, по ихъ иноземству и по высокому значенію ихъ рода, сама собою уже приобретала въ глазахъ Рус-

¹⁾ Контарини разсказываетъ между прочимъ, что при его отъѣздѣ изъ Москвы В. К. Иванъ Вас. пожелалъ, чтобъ посоль представился В. Книжникъ Софѣ, „что и было мною исполнено съ приличными прикѣтствіями и поклонаніемъ. Ведаяя княгиня обошла съ мною весьма вѣжливо и ласково и убедительно просила поклониться отъ нея свѣтлѣйшей маіей республикѣ (Венеціанской). Послѣ сего я распростерся съ нею и возвратился въ свое жилище“. Подобныя приемы впоследствии были уже немислимы.

каго общества особенно, независимое положеніе, которое ни въ какомъ случаѣ не могло равнять ихъ съ *своими*, а потому и освобождало нѣкоторые ихъ поступки отъ привычныхъ ограниченій женскаго быта. Но, воспитанныя въ обычаяхъ, дававшихъ болѣе просторъ женской личности, онѣ, однакожь, въ московскомъ дворцѣ, должны были жить такъ, какъ повелось изстари, т. е. должны были подчиниться тѣмъ понятіямъ и порядкамъ жизни, какіе повсемѣстно господствовали въ Русской землѣ. А эти понятія почитали весьма *зазорными* всякое обстоятельство, гдѣ женская личность приобретаема какой либо общественной смыслъ. Эти понятія признавали ея свободу и то въ извѣстной мѣрѣ, въ однихъ лишь семейныхъ отношеніяхъ и въ положеніяхъ исключительно семейнаго общезитія. Какъ скоро общезитіе принимало какую либо форму общественности и изъ домашней, семейной сферы переходило въ сферу жизни публичной, тогда и обнаруживалось, что женская личность не имѣетъ здѣсь своего мѣста, что безъ особеннаго *засора* въ публичномъ общезитіи она не можетъ становиться рядомъ съ личностью мужчины. Извѣстная выработка идей и представленій въ этомъ направленіи, привела вообще къ тому, что женская личность своимъ появленіемъ въ обществѣ нарушала какъ-бы цѣломудріе публичнаго общезитія, не говоря уже о томъ, что собственное ея цѣломудріе при такомъ подвигѣ, въ глазахъ вѣка, погибало окончательно. Одному мужчинѣ исключительно принадлежали интересы общественности. Онъ одинъ обладалъ правомъ жить въ обществѣ, жить общественно. Женщинѣ оставалась обязанность жить дома, жить семейно, быть человѣкомъ исключительно домашнимъ, и въ существенномъ смыслѣ быть вмѣстѣ съ домомъ и домочадцами только орудіемъ, средствомъ для жизни общественнаго человѣка — мужчины.

Въ одномъ только случаѣ самостоятельность женщины являлась законною и неоспоримою, въ томъ случаѣ, когда она становилась главою дома; а это могло произойти лишь при томъ обстоятельстве, когда, по смерти мужа, она оставалась *матерю* вдовою, т. е. вдовою — матерью сыновей. И мы видимъ, что *матерая* вдова въ древнемъ Русскомъ обществѣ играетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мужскую роль; мы видимъ, что типъ этой личности приобретаетъ сильныя самостоятельныя черты и въ общественной жизни и въ историческихъ событіяхъ, а слѣд. и въ народной поэзіи, въ былинахъ свяхъ. Она пользуется и значительными юридическими правами. До матерая вдова вѣсело была явленіемъ случайнымъ, въ нѣромъ смыслѣ исключительнымъ. Личность ея ни какъ не можетъ

служить мѣрою самостоятельности женской личности вообще. Матеря вдова являлась случайнымъ представителемъ дома, семья, которая стояла уже такъ сказать на материкѣ, т. е. на корню, ибо сыновья всегда придавали семьѣ именно это значеніе корня. Вдова бездѣтная, у которой не оставалось подъ ногами материка или корня, у которой со смертью мужа разрушалась и семья, такая вдова по убѣжденію вѣка равнялась въ своемъ значеніи съ сиротою, и въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи вмѣстѣ съ сиротами, убогими, калѣками и пр. и всѣми беззащитными личностями поступала подъ покровительство церкви, причислялась къ людямъ церковнымъ, *богидѣльнымъ*, т. е. къ людямъ, забота объ участи которыхъ была *дѣломъ божьимъ*, потому что не была дѣломъ общественнымъ. Вотъ почему вдова безъ сына почитаетъ себя тоже сиротою. Одно это можетъ уже свидѣтельствовать, что личность женщины не имѣла ни малѣйшей *общественной* самостоятельности и какъ скоро выдѣлялась изъ семьи, гдѣ только и сохраняла извѣстную долю самостоятельности, то теряла и эту малую долю самостоятельнаго значенія и приравнивалась ко всѣмъ сиротствующимъ, совершенно беззащитнымъ въ общественномъ смыслѣ, такъ что по необходимости переходила подъ опеку церкви, подававшей ей руку вмѣсто общества, которое отрицало въ женскомъ достоинствѣ всякій смыслъ личности, имѣвшей какія либо общественныя, а не семейныя только домашнія права.

Идиллики исторіи очень серьезно и съ подобающею ученостью, съ ссылками на лѣтописи и другіе источники, съ выписками подлинныхъ текстовъ, доказываютъ, что напр. „красота жены цѣнилась“: Святославъ женить сына Ярополка на плѣнницѣ гречанкѣ „красоты ради лица ея“; Ольга удивляетъ красотой лица греческаго императора; что „жена имѣла право на часть мужнива имѣнія; что всѣ заботы о дѣтяхъ возлагались на мать; что попеченія и заботы, которыя употребляла мать при воспитаніи дѣтей своихъ, давали ей въ народномъ воззрѣніи неоспоримое право на уваженіе послѣднихъ;“ что тѣсная связь матери съ дѣтьми не могла не оказывать вліянія на послѣднихъ: характеръ матери явственно отражался и въ дѣтяхъ; что дѣвушку не стѣсняли въ ея дѣйствіяхъ (слѣдуютъ доказательства и подтвержденія о томъ, какъ дѣвѣнцы постригались въ монахини); что дочь дѣвица имѣла участіе во всѣхъ событіяхъ своей семьи; что покидая семью родительскую, при выходѣ замужъ, дѣвушка однако не прерывала связи съ нею; что воспитанная въ общемъ кругу родной семьи, одинаково согрѣтая любовью отца и

матери, русская женщина этого времени (до Монголовъ), являясь женою, стоитъ нравственно на одномъ уровнѣ съ мужемъ. Въ этомъ лежитъ объясненіе тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ между ними. Подружье—названіе жены въ книжномъ языкѣ, ладой зоветъ жена мужа въ языкѣ народномъ. Равна жена мужу въ законѣ: кто убьетъ жену—тотъ же судъ, какъ за мужа. (Здѣсь однакожь законъ, Русская Правда, говоритъ вообще объ убійствѣ женщины, а не о женѣ мужа). Любите жену свою, учить дѣтей хорошей отецъ (Владиміръ Мономахъ, который тотчасъ же и прибавляетъ другое поученье, пропускаемое авторомъ; *но не дайте имъ надъ собою власти*, что собственно значить; властвуйте надъ ними). Жена стоитъ рядомъ съ мужемъ, живетъ съ нимъ одною жизнію, раздѣляя радость и горе, сопутствуя ему всюду, участвуя въ самыхъ сокровенныхъ его думахъ. Мужъ видитъ въ ней лучшаго друга, спутника жизни, повѣряетъ ей все; что гдѣ бы ни былъ мужъ, мысль о женѣ не покидаетъ его; что жена была не стѣснена въ своей жизни, могла дѣйствовать свободно доказательства; Верхуслава ведетъ переписку съ епископомъ Симономъ, принимаетъ большое участіе въ монахѣ Паликарпѣ, желая устроить его гдѣ либо епископомъ, вотъ и все); что жена могла имѣть свою собственную землю, если; жена независимо отъ мужа могла имѣть свою казну и т. д. ¹⁾

Подобныя идиллическія заключенія носятъ въ сознаніи многихъ изыскателей нашей старины; но въ сущности онѣ обнаруживаютъ только какое-то странное сомнѣніе во всемъ томъ, что составляетъ существо человѣка, будетъ ли онъ мужчина или женщина, и что никогда не подвергалось спору, въ чемъ ни одинъ разсудительный человѣкъ никогда и гдѣ не могъ сомнѣваться. Всѣ выводы, съ такимъ усердіемъ добыты изъ лѣтописей, житій, грамотъ и т. д., сводятся къ одному, что жена любила мужа, а мужъ любилъ жену; что мать любила дѣтей, а дѣти любили мать; что женщина, какъ членъ семьи, пользовалась семейными правами, пользовалась известными правами какъ человѣкъ вообще и какъ членъ семьи въ особенности. Ктоже могъ когда либо въ этомъ сомнѣваться. Исторія застасть древнюю Русь именно на той степени историческаго развитія, когда семья составляетъ единственный и непосредственный узелъ народной жизни, когда семья составляетъ существо,

¹⁾ Русская женщина въ до-монгольскій періодъ. Историческое изслѣдованіе Александра Добрякова. Спб. 1864. Стр. 32, 34, 35, 39, 57, 58, 62, 69, 77, 78 и ив. др.

основу народного быта; когда, слѣдовательно, семейныя добродѣтели являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, естественнымъ продуктомъ жизни. Доказывать ученымъ образомъ, что мужъ любилъ жену, а мать любила дѣтей, все равно, что доказывать, что и въ старину жили также люди. Не въ томъ дѣло, имѣла ли женщина чловѣкъ чловѣческія чувства, находилась ли въ чловѣческихъ отношеніяхъ къ отцу, къ мужу, къ дѣтямъ; вообще, не въ томъ дѣло, что именемъ женщины обозначался чловѣкъ женскаго пола; дѣло въ томъ, пользовался ли женскій полъ общественными правами наравнѣ съ мужскимъ поломъ, т. е. въ равной половинѣ; была ли женская личность самостоятельна въ обществѣ именно этою своею женскою половиною; почиталась ли женская половина необходимою и самостоятельною половиною не семьи, а самого общества; или же эта половина въ сущности была только придаткомъ къ тому цѣлому, которое выражалось лишь одною личностью мужчины; вообще: была ли женская личность самостоятельна въ обществѣ сама по себѣ, какъ личность женщины, или же ея самостоятельность опредѣлялась только ея принадлежностью къ личности мужской, какъ напр., значеніемъ жены мужа, матери сына и т. п.

Вотъ вопросы, которые возникаютъ сами собою, когда намъ требуется узнать, каково было положеніе женской личности въ допетровской Руси. Мы, однимъ словомъ, не должны смѣшивать понятій и свидѣтельствъ о правахъ женщины, какъ члена семьи, какія бы ни были эти права, нравственныя или юридическія, съ понятіями и свидѣтельствами о ея правахъ, какъ члена общества. Смѣшеніе, безразличіе этихъ понятій и производитъ путаницу въ нашихъ представленіяхъ о характерѣ и общественномъ положеніи древнерусской женщины.

Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ необходимо прежде всего узнать важнѣйшее обстоятельство, именно: признавало ли и могло ли признавать женщину своимъ членомъ древнерусское общество; а еще ближе, что такое было, каково было это самое общество, признавало ли оно вообще общественныя права личности, почитало ли оно личность общественною единицею, самостоятельнымъ цѣлымъ, которымъ держится само общество; ибо самостоятельность женской личности является лишь тамъ, гдѣ является самостоятельность чловѣческой личности вообще, гдѣ общество носить въ своемъ сознаниіи, а слѣд. и въ своемъ развитіи самую идею личности, идеаль чловѣческаго достоинства, независимо ни отъ какихъ частныхъ, случайныхъ бытовыхъ его опредѣленій.

Очень понятно, что Русское донетровское общество въ своемъ взглядѣ на достоинство женской личности не могло стоять выше тѣхъ убѣжденій, которыя господствовали вообще въ средне-вѣковомъ европейскомъ обществѣ, которыя господствуютъ во всякомъ обществѣ младенчествуемъ. Точно также, какъ и вездѣ, на равной степени общественнаго развитія, Русское общество опредѣляло нравственныя и общественныя права женской личности ветхимъ и по преимуществу восточнымъ сознаніемъ, что лицо женщины, каково бы ни было ея положеніе, не есть половина, а есть всетаки, въ отношеніи мужчины, — величина меньшая; что женщина, сравнительно съ мужчиною, есть малолѣтокъ, недоросль, членъ общества несовершеннолѣтній. Сама женская природа способствовала развитію такого убѣжденія.

Въ первую эпоху человѣческой жизни въ понятіяхъ и представленіяхъ человѣка господствовалъ и управлялъ всею его дѣятельностью идеалъ богатыря, т. е. идеалъ собственно физической силы человѣка. Въ то время физическая сила была первою необходимостію для человѣка, а слѣд. первымъ, самымъ высшимъ, почти исключительнымъ его достоинствомъ. Въ то время, по естественнымъ причинамъ, человѣкъ вездѣ въ своей дѣятельности долженъ былъ богатырствовать, богатырски завоевывать себѣ положеніе и побѣждать природу больше силою плеча, чѣмъ силою ума. Богатырство было исходнымъ началомъ его жизни, оно же стало и высшимъ его идеаломъ. Подъ вліяніемъ этого-то идеала и созидались постепенно всѣ первобытныя воззрѣнія человѣка: въ его мѣру онъ мѣрилъ и всѣ свои первоначальныя отношенія, всѣ положенія своей жизни.

Очень понятно, что, по физиологическимъ особенностямъ своей природы, женская личность не могла приравняться къ этому идеалу, къ этой первозданной и тогда единственной мѣрѣ человѣческаго достоинства. Правда, что въ богатырскій вѣкъ и она должна была носить въ себѣ нѣкоторыя богатырскія черты; но исполнѣ сдѣлаться богатыремъ ей было невозможно. Призванная природою къ рожденію дѣтей и ко всѣмъ тяжкимъ послѣдствіямъ этого дѣйствія природы, каково воспитаніе или собственно вскормленіе ребенка и т. д., женщина однимъ этимъ дѣйствіемъ природы обрекалась уже на страдательную, вполне зависимую роль предъ личностью богатыря — мужчины, не говоря уже о томъ, что самый ея организмъ, сравнительно слабый и нѣжный, никогда не могъ равнять ея физическія силы съ силами мужчины. Вотъ естественная причина, по которой

богатырскія воззрѣнія первобытнаго человѣка очень легко могли воспитать въ его сознаніи мысль о великомъ различіи женскаго существа отъ мужскаго. Различіе въ физическихъ силахъ обоехъ половъ было слишкомъ очевидно, а между тѣмъ богатырскія силы, какъ мы сказали, были единою мѣрою человѣческаго достоинства, единою оцѣнкою достоинства каждой личности. Такимъ образомъ сама природа женщины, вовсе неспособная отвѣчать своею дѣятельностью первозданнымъ идеаламъ человѣка, указывала женской личности мѣсто, которое въ отхоженіи ея самостоятельности всегда колебалось, да и до сихъ поръ колеблется между мужщиною и ея дѣтьми.

Съ богатырской точки зрѣнія женщина — существо слабое, не только физически, но и нравственно и умственно. Она отличается дѣтскими чертами. Она даже и создана отъ кости самого богатыря; она въ сущности его ребенокъ; поэтому зависимость, повиновеніе — вотъ ея идеалы, которыми она и воспитывается въ теченіи тысячелѣтій, т. е. во все то время, когда въ быту человѣческомъ долженъ былъ господствовать идеаль богатырскій. Вообще достоинство женской личности на основаніи этихъ первозданныхъ идей было возведено въ идеаль милой жертвы, милой *лани*, какъ выразилось Слово о полку Игоревомъ. Соотвѣтственно этому идеалу цѣнились и всѣ качества женской личности, вся такъ называемая женственность, какъ исключительная сила ея природы, понятая лишь такъ, какъ требовалъ именно этотъ идеаль. Въ этомъ идеалѣ и выразился весь жизненный смыслъ женской доли, весь смыслъ ея роли общественной, а стало быть и исторической.

Мы не должны также забывать, что эпоха богатырскаго идеала была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохою идеала родительскаго, т. е. идеала родительской опеки, по которому всякая, почему либо зависимая личность иначе не представлялась, какъ въ образѣ малолѣтства.

Естественно, что навсегда слабая и зависимая женская личность должна была навсегда же сохранить въ своемъ лицѣ образъ нескончаемаго малолѣтства, нескончаемаго дѣтства, ибо такова была сила первозданныхъ богатырскихъ и патріархальныхъ убѣжденій человѣка.

Само собою разумѣется, что тѣже первозданныя убѣжденія и идеалы управляли и нашимъ бытовымъ развитіемъ. У насъ по причинѣ нашей молодости они сохранились даже съ большею свѣжестью, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ. Богатырскія идеи,

какъ и идеи родительской опеки у насъ живутъ еще до сихъ поръ, а въ допетровскую эпоху онѣ были въ полномъ цвѣтѣ.

Идеаль родительской опеки былъ основателемъ и устройтелемъ всего нашего быта. По этому идеалу создалось наше общество и государство. По этому идеалу наше общество представлялось совокупностью семьи или родни, такъ что его разряды или ступени, особенно низменные, иначе и не представлялись, какъ малолѣтними и постоянно обозначались именами родства, каковы были, *втроки, пасынки, дѣтскіе, младыя*. Самые низменные въ общественномъ смыслѣ именовались *сиротами*, т. е. людьми несчастными въ смыслѣ родства, а стало быть и въ общественномъ смыслѣ, каково было вообще неслужилое земледѣльческое и промышленное бословіе, не обладавшее властнымъ положеніемъ въ обществѣ—государствѣ.

По идеалу родительской опеки, не только личность женщины, но и личность мужчины не имѣла никакого самостоятельнаго, независимаго значенія, по той причинѣ, что этотъ идеаль вообще не признавалъ, да и не могъ понять самой идеи личности. Онъ зналъ только идею рода, идею отечества, т. е. идею принадлежности лица извѣстному отцу или роду, идею полной зависимости лица отъ своего родства, вообще идею его дѣтства, а не идею его свободы и самостоятельности. Для него независимая личность получала смыслъ личности *гулящей*, какъ и назывались вольные люди, которые такъ сказать выпадали изъ родового круга, т. е. изъ круга, извѣстной зависимости или принадлежности къ тому или другому общественному разряду жизни.

Идея родовой зависимости построила по своему образцу и всѣ эти общественныя разряды, всякую другую зависимость, всѣ общественныя отношенія лица, весь общественный нашъ бытъ, такъ что древне-русское общество въ существенномъ и непосредственномъ смыслѣ есть собственно не *общество*, а *родство*, ибо его общее, его идея заключалась въ идеѣ рода, а не въ идеѣ независимой личности. Вотъ почему и древній нашъ бытъ очень основательно называется родовымъ бытомъ.

Но, говорить, у насъ не было родового быта, а былъ общинный бытъ, слѣд. и общественныя отношенія устроивались по другому, т. е. общинному началу; слѣд. не только мужчина, но и женщина пользовалась правами личности самостоятельной и независимой; ибо чтожъ такое община, какъ не совокупность болѣе или менѣе обособленныхъ, самостоятельныхъ, равноправныхъ, независимыхъ личностей. Дѣйствительно, понятіе объ общинѣ не до-

показаетъ иныхъ представлений въ отношеніи устройства общежитія, въ отношеніи характера общественности; общее, значить равное для всѣхъ; община значить равенство. Въ общинѣ, если она служить основой быта, невозможно представить себѣ какой либо иной порядокъ жизненныхъ отношеній, какъ не порядокъ равенства, равноправности всѣхъ частей этого *общаго* цѣлаго. Все это такъ. Но одно необходимо помнить; именно: какую силу представляетъ каждая часть этого общаго цѣлаго, въ чемъ заключается существенный смыслъ каждой части; какого свойства эта единица, которая служитъ основой, корнемъ всего цѣлаго; носить ли въ себѣ эта часть, эта единица, смыслъ отдѣльной обособленной личности, независимой личности человѣка, самого по себѣ; или она изображаетъ совсѣмъ иное свойство, носить въ себѣ совсѣмъ иной смыслъ, именно, смыслъ человѣка не самого по себѣ, а какъ представителя или выразителя чего либо такого, въ чемъ его личность почитается за ничто, не имѣть ни малѣйшаго смысла и значенія. Община, какъ равенство вообще, можетъ вмѣщать въ себѣ такія составныя части, такія единицы, которыя хотя, по естественной необходимости, и будутъ лицами, но вовсе не будутъ представителями личности. Въ этомъ весь вопросъ. Наша древняя община была въ собственномъ смыслѣ общиною *родовъ*, или еще ближе общиною хозяйствъ, домовъ, дворовъ, а не общиною независимыхъ личностей. Чтобы уяснить себѣ справедливость такого заключенія, мы должны по необходимости остановиться на спорномъ вопросѣ о характерѣ и свойствахъ нашего древнѣйшаго быта. Въ настоящемъ случаѣ для насъ это необходимо по той причинѣ, что отъ уясненія этого вопроса вполне зависитъ уясненіе вопроса: что такое было древне-русское общество и каково было положеніе въ немъ женской личности?

Люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ на существенный характеръ нашей допетровской исторіи будутъ, вѣроятно, согласны въ томъ, что въ древней русской жизни, домашней и общественной, съ особенною силою господствовало и управляло жизнію отдѣльныхъ лицъ патріархальное родительское начало, что оно въ значительной степени господствуетъ даже и теперь. Иначе, конечно, и быть не могло, если непреложна та истина, что Русская земля расплодѣлась по преимуществу первобытною силою народоженія, если *родъ* былъ непосредственнымъ дѣятелемъ въ образованіи народной массы, если на самомъ дѣлѣ онъ былъ растительною органическою клѣточкою, основой строенія каждаго племени и всего народа, если на-

конецъ сама *община*, явилась только совокупностью этихъ родовыхъ клѣточекъ, совокупностью не отдѣльныхъ лицъ, а отдѣльныхъ хозяйствъ или дворовъ, въ которыхъ замкнулись отдѣльные роды или семьи. Мы пользуемся такимъ удоболеніемъ, предполагая яснѣе и нагляднѣе представить отношеніе такъ называемаго родового быта, къ быту такъ называемому, общинному.

Такой естественный, почти физическій ходъ народной жизни существовалъ вездѣ. Въ другихъ странахъ онъ еще въ незапамятныя времена подвергся различнымъ колебаніямъ и стороннимъ влияніемъ и потому очень рано утратилъ свой первобытный обликъ, не оставивъ по себѣ слишкомъ замѣтныхъ слѣдовъ. У насъ, въ нашей исторіи, въ нашей жизни, сравнительно очень молодой, наоборотъ, такіе слѣды можно наблюдать даже въ настоящую минуту.

Родовой бытъ, какъ жизненное историческое начало, для многихъ является предметомъ ошибочной, даже нелѣпой, и къ тому еще нѣмецкой теоріи; а потому, не рѣдко предметомъ голословныхъ отрицаній и даже остроумныхъ шутокъ. Намъ кажется, что отрицатели и отрицатели родового быта ведутъ споръ собственно о словахъ. Они упрекаютъ противниковъ въ неопредѣленности будто бы понятій, заключающихся въ словахъ *родовой*, *патріархальной* и стараются опредѣлить эти слова, какъ говорится, научно, т. е. исключительно книжнымъ путемъ, болѣе въ духѣ грамматическомъ, чѣмъ историческомъ, болѣе грамматическимъ именно смысломъ отрывочныхъ текстовъ, а не смысломъ самой жизни, разлитой въ общемъ составѣ древнихъ памятниковъ. Оттого они усердно ищутъ въ родовомъ бытѣ *учрежденія*, съ одной стороны—политическаго, каково напр. государственное устройство, съ другой—юридическаго, въ законахъ и правахъ, и конечно ничего *учрежденнаго* въ этомъ смыслѣ не находятъ, вовсе забывая, что родовый бытъ не есть фактъ, а есть начало, стихія жизни, которая, какъ стихія, входитъ во всѣ факты, пронизываетъ ихъ, даетъ имъ свою окраску, формируетъ ихъ, но сама нигдѣ въ особое учрежденіе не воплощается. Самое прилагательное: *родовой*—обозначаетъ только стихійное качество быта и вовсе не указываетъ какую либо учрежденную, т. е. законченную его форму. Точно также и существительное, *родъ*, вовсе не обозначаетъ какого либо учрежденія, т. е. искусственной какой либо формы, выработанной развитіемъ общества. Это, напротивъ, непосредственная, естественная форма словѣческой жизни, произведенная стихійною силою рожденія. Если эта форма становится нормою, стихіею не только для домаш-

нихъ, но и для общественныхъ отношеній народа, то, замѣчая повсюду ея присутствіе, изслѣдователь съ полною основательностію можетъ и весь народный бытъ обозначить именемъ этой стихіи, именемъ начала, которое движетъ всѣмъ этимъ бытомъ.

Однакожь отрицатели этого начала утверждаютъ, что „слово *родъ* значитъ собственно: *семья* и что поэтому у славянъ родового быта не было, а была *семья и община*, что Русская земля есть изначала *наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная* (именно общинная) земля“ ¹⁾. По смыслу нѣкоторыхъ лѣтописныхъ и другихъ свидѣтельствъ слово *родъ* дѣйствительно обозначаетъ также и семью и даже семью въ тѣсномъ смыслѣ, на чемъ особенно настаиваютъ защитники *семейной* и *общинной* теоріи. По иначе не могло и быть, потому что семья служить составною частью или же зерномъ рода; понятіе о родѣ неизбѣжно заключаетъ въ себѣ и понятіе о семьѣ. Семья служитъ съ одной стороны, подѣ видомъ старшей семьи, его корнемъ, его основою, а съ другой, выражаетъ, подѣ видомъ младшихъ семей, его размноженіе, его развѣтвленіе; семья, однимъ словомъ, относится къ роду, какъ частное понятіе къ общему. Не мудрено, что въ текстахъ эти понятія очень часто переходятъ одно въ другое, мѣшаются, и доставляютъ легкую возможность подыскать свидѣтельства, указывающія на тождество семьи и рода. Но чтоже изъ этого выходитъ? Что именно хотимъ мы опредѣлить, называя народный бытъ *семейнымъ*? Не слишкомъ ли широко, пространно, не слишкомъ ли общо такое опредѣленіе? Люди всегда жили, теперь живутъ и всегда будутъ жить семейно. Это неизмѣнное условіе человѣческаго быта, которое въ отношеніи характеристики быта у извѣстнаго народа, на извѣстной степени его развитія, ничего доказывать не можетъ. Словомъ „*семейный*“ обозначается именно тотъ тѣсный, или, вѣрнѣе, частный смыслъ жизни, который навсегда останется въ быту человѣчества, какія бы формы и порядки ни принимало его развитіе; останется какъ естественный, физиологическій законъ жизни. Намъ кажется, что, говоря фразу: „Русская земля была наиболѣе семейная“, мы въ историческомъ смыслѣ ровно ничего не обозначаемъ. Другое дѣло, если мы, не взирая на обыкновенный жизненный смыслъ этого слова, создадимъ собственное понятіе о семьѣ, придадимъ ей свойства и качества, какихъ она никогда не имѣла, именно свойства и качества кроткой и мирной

¹⁾ Соч. К. С. Аксакова. Ч. I. Стр. 92, 93. 124 и др.